

Филипп Фомичев, Егор Смирнов*

АСКЕТИЧЕСКОЕ САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ПОЛИТИЧЕСКОМУ КОНСЕРВАТИЗМУ**

Г.-К. КАЛЬТЕНБРУННЕР ЧИТАЕТ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

Получено: 09.09.2025. Рецензировано: 27.02.2026. Принято: 22.04.2026.

Аннотация: В статье выявляются основания для сближения двух философских традиций в области консервативной мысли — русской и немецкой. С одной стороны, отсутствие массовой поддержки политических проектов консерваторов, с другой стороны, отчужденность консервативно настроенных философов от общества «индустрии культуры» свидетельствуют об отсутствии строго политического потенциала для реализации консервативных философем. В работе показано, что католическим интеллектуалом Г.-К. Кальтенбруннером и русским православным мыслителем К. Н. Леонтьевым был найден другой подход к осуществлению консервативных идей, который подразумевает философско-аскетическую практику самодисциплины и самосовершенствования, отрешенного от каких бы то ни было форм культурно-политического влияния на общество. Такой подход входит в общее русло развития русско-немецкой философской мысли, чьи выдающиеся представители в течение XX в. переходили к сходной практике эзотерического элитизма и связывали его сущность с индивидуальной верностью определенному метафизическому порядку, в своей глубине иерархическому, а значит и консервативному. На основе уникальных источников, которые впервые вводятся в российское академическое пространство, в статье рассмотрена интерпретация русской философской классики Г.-К. Кальтенбруннером и в особенности его анализ религиозно-философского наследия К. Н. Леонтьева. Авторы прослеживают экзистенциальный параллелизм в биографиях двух мыслителей. Статья показывает, что заочным интеллектуальным диалогом Кальтенбруннера с Леонтьевым привносится сущностно новое для понимания современной идеи консерватизма, которая вместо демократического влияния на массы утверждается на закрытом от большинства следовании за трансцендентной истиной.

Ключевые слова: Герд-Клаус Кальтенбруннер, Константин Леонтьев, философия консерватизма, немецкий консерватизм, аскетизм, христианство, трансцендентный эгоизм.

DOI: 10.17323/2587-8719-2026-2-121-142.

*Фомичев Филипп Михайлович, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), philip.fomichev@gmail.com, ORCID: 0009-0002-6946-5984; Смирнов Егор Михайлович, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), harmony1724@yandex.ru, ORCID: 0009-0003-2184-2426.

**© Фомичев Ф. М.; Смирнов Е. М. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

ВВЕДЕНИЕ. К «АСКЕТИЧЕСКОЙ» ФИЛОСОФИИ РУССКОГО И НЕМЕЦКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

Герд-Кlaus Кальтенбруннер (1939–2011) — один из главных представителей немецкоязычной консервативной сцены второй половины XX в. «Эссеист с мировым именем, культуролог и мастер портрета интеллектуальной истории, элитарный, энциклопедически образованный мыслитель, полигистор и духовный идеалист, консервативный интеллектуал и хранитель традиции» (Sommerfeld, 2021: 70) — весьма точная характеристика этого незаурядного, но до недавнего времени практически неизвестного в России автора. Г.-К. Кальтенбруннер был ярким консервативно-католическим мыслителем, активным участником консервативных дискуссий в ФРГ 1970–1980-х гг. Его творчество, которое охватывало множество тем из разных областей (история, философия, богословие, культурология, социология, политическая наука), было посвящено борьбе против европейского нигилизма¹.

Рубежи европейской культуры у Герда-Клауса Кальтенбруннера не совпадали с ее географическими и политическими границами: она включала в себя все пространство Старого Света, и принадлежность к ней России Кальтенбруннер сомнению не подвергал. В своих текстах австро-немецкий мыслитель часто обращался к русской истории, к духовно-интеллектуальному наследию нашей страны. Рассуждая о культуре христианской Европы, он не проходил мимо русской иконописи; говоря об аскезе, вспоминал русских старцев и русских социалистов в их «героической фазе» и приводил в пример размышления Владимира Соловьева. Раскрывая биографические сюжеты из европейской истории, Кальтенбруннер дал более десятка русских интеллектуальных портретов: на его страницах описаны жизнь и творчество Анны Ахматовой, Михаила Бакунина, Николая Бердяева, Александра Блока, Федора Достоевского, Владимира Ленина, Константина Леонтьева, Андрея Рублева, Владимира Соловьева, Николая Федорова, Павла Флоренского. Особое место в его «русских» штудиях было отведено метафизикам и писателям, чьи религиозно-философские тексты интерпретировались с точки зрения философии консерватизма.

Так, по Кальтенбруннеру, Н. А. Бердяев «консервативно» выступал против социального утопизма (Kaltenbrunner, 1980/1985: Bd. 1, 354–358), а Ф. М. Достоевский предсказывал кровавое воплощение социалистических мечтаний в XX в., как и концлагеря и угрозу ядерной катастрофы

¹Подробнее об этом см.: Фомичев, 2025а: 136–186.

(Kaltenbrunner, 1980/1985: Bd. 1, 283–286). В идеях Владимира Соловьева Кальтенбруннер видел обоснование для культурно-политического аскетизма (Kaltenbrunner, 1985a: 95–105) и вселенской католической монархии (Фомичев, 2025b: 177–178): Соловьев защищал «эзотерическое» понимание христианства (к представителям которого Кальтенбруннер относил и Флоренского (Kaltenbrunner, 1987/1992: Bd. 2, 488–496)). «Христианство, более не знающее эзотерической дисциплины, неизбежно обречено на уравнение и в конце концов подвергает себя тотальной секуляризации», — вот вывод Кальтенбруннера, который полагал, что «гениальному консерватору» Соловьеву было известно тождество между эзотеризмом и элитизмом, характерное для философии консерватизма и даже для христианства² (Kaltenbrunner, 1980/1985: Bd. 2, 280–287).

Политический смысл такой интерпретации русской религиозно-философской классики считывается сразу. Однако консерватизм в его немецкой исторической специфике у Г.-К. Кальтенбруннера был предвзятым скорее в метафизическом, а не идеологическом отношении. После радикализма «консервативной революции» он не мог воспринимать с воодушевлением «активный нигилизм» консервативных ницшеанцев интербеллума; как и Эрнст Юнгер в условиях второй половины XX в., Кальтенбруннер не стремился «охранять» то, что уже не подлежало никакому восстановлению (Юнгер, Кузницын, 2008: 152). Австро-немецкого мыслителя скорее интересовали философские основания консерватизма, делающие возможным истинный «порядок» при всякой исторической ситуации, что нашло отражение в его многочисленных эссе 1970-х гг. Поэтому то общее, что просматривается в анализе «русских» религиозно-философских тем у Кальтенбруннера, заключается в признании за великими мыслителями восточной части европейского мира антиутопической трезвости мышления — ключевой черты консервативного миропонимания (Kaltenbrunner, 1975: 55–56). За счет нее описываемые русские интеллектуалы и противопоставили свои философско-политические проекты или еще только нарождавшемуся, или уже вполне совершившемуся социально-культурному перевороту «левого» толка.

² «В ходе тысячелетий рядом с институциональным христианством возникло эзотерическое. Своими корнями оно уходит в раннюю Церковь, в тексты Нового Завета, особенно в Евангелие от Иоанна, в Апокалипсис и в Послания апостола Павла» (Gmehling, 2012: 21).

Однако особый интерес из всех русских религиозных мыслителей у Г.-К. Кальтенбруннера вызвал именно К.Н. Леонтьев, которому, против обыкновения, автор посвятил не один, а несколько текстов (Kaltenbrunner, 1980/1985: Bd. 3, 322–344; Kaltenbrunner, 1987/1992: Bd. 3, 359–369), — и на то, представляется, была своя причина: Леонтьев не только разделял умеренно-пессимистические воззрения на человеческую природу, но и своей жизнью и творчеством доказывал неотложность той проблематики, которая экзистенциально касалась самого Кальтенбруннера. Консерватизм как только внутренняя установка, как исключительно индивидуальное соответствие объективному порядку, сознаваемому метафизически, или как субъективная агитация к поддержанию традиционных устоев общества, как исторически коллективная активность, движимая эмпирическими потребностями дня, — такова политико-философская дилемма, образующая ядро немецко-консервативного дискурса последней половины XX в.; и Кальтенбруннер, один из основных участников этого дискурса, отчетливо понимал, что эта дилемма не может быть разрешена лишь отвлеченно-теоретически. Упадок философско-консервативного политического проекта в его время создавал условия для перехода на путь «тайного» и уединенно-личностного консерватизма как аристократической практики философствования, осуществление которой зависит от отрешения от требований и волений большинства. Такой «реакционер» мысли, как Эрнст Юнгер, осознанно встал на этот путь, а Кальтенбруннер лишь превзошел его пример тем, что в расцвете творческих сил решил уйти в строжайший аскетический затвор.

Однако еще в 1872 г., во время своего пребывания на горе Афон, русский консул и консервативный публицист Леонтьев склонялся к принятию монашеского пострига: экзистенциальный ужас перед неожиданной смертью сподвигнул его к пересмотру прежнего, «эстетического» отношения к жизни. Тем самым он подготовил почву для своего позднейшего разочарования в своем раннем культурно-политическом активизме и «культурофильских» надеждах на реакционный поворот в русской правительственной политике (Фетисенко, 2022: 371, 425, 427). Леонтьев считал, что сохранение традиционного политического порядка в России допустимо, хотя и не необходимо; и тем не менее допущение реакционного активизма с точки зрения его же интереса к «загробному», или трансцендентному, спасению было по меньшей мере противоречивым, так как в силу своей иррациональной произвольности это допущение

не имело под собой основательной религиозно-философской аргументации. Позволительно утверждать, что персональная философская драма Константина Леонтьева стала общеевропейским предвестием важного перехода от собственно «политического» консерватизма к консерватизму личной самодисциплины и самовоспитания, который был характерен для передовых немецких «правых» во второй половине XX в. Нетрудно предположить, что в судьбе Леонтьева Кальтенбруннер усмотрел родственную его собственной биографии политико-философскую драму. Поэтому представляется, что именно в переходе от прямолинейного политического активизма к сокровенному аскетическому самосовершенствованию и заключается новый смысл в развитии очередной современной фазы русского-немецкого консерватизма. Сближение двух традиций консервативного мышления становится возможным уже потому, что к внеполитическому и метафизическому уединению в условиях катастроф последнего столетия стремились не только Э. Юнгер и Г.-К. Кальтенбруннер, но и такие консервативные наследники «трансцендентных» интуиций К. Н. Леонтьева, как В. В. Розанов, М. М. Пришвин и А. Ф. Лосев. Если Леонтьев оставил след в немецкой культуре «отрешенного» консерватизма и предположительно повлиял на экзистенциальную позицию Кальтенбруннера, предоставив ему очередной довод в пользу уединения от политики, то в самой России он оказался предшественником новой традиции метафизического консерватизма, не уступающей консервативной мысли «Ушедшего в лес» Эрнста Юнгера.

«КОНСЕРВАТИВНАЯ» АНАЛИТИКА ФИЛОСОФИИ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА:
КОНТЕКСТ «РУССКИХ» ИССЛЕДОВАНИЙ Г.-К. КАЛЬТЕНБРУННЕРА

При рассмотрении биографического контекста, в котором зарождалась мысль Леонтьева, Г.-К. Кальтенбруннер проявил себя как знающий исследователь: помимо самого Леонтьева он цитировал Розанова, Каткова, Булгакова, Данилевского, Мережковского, а также упоминал немногочисленные зарубежные работы о Леонтьеве (например, труды Кологривова и Лукашевича³). По его утверждению, Леонтьев находился «по ту сторону» спора либеральных западников и национально-мессиански настроенных славянофилов, государственников-панславистов и прогрессистов-демократов. Интеллектуальное родство, по Каль-

³Имеются в виду труды *Von Hellas zum Mönchtum: Leben und Denken Konstantin Leontjews (1831–1891)* и *Konstantin Leontev (1831–1891). A Study in Russian "Heroic Vitalism"* соответственно.

тенбруннеру, Леонтьев разделял лишь с Николаем Данилевским и Владимиром Соловьевым позднего периода (Kaltenbrunner, 1980/1985: Vd. 3, 322, 329).

Из эстетического первоначала исходит экзистенциально-политическая позиция Леонтьева. «Эстетика жизни» занимала последнего намного больше, чем «чистое искусство»: форма, разнообразие, блеск, иерархия, обряд, дисциплина, тайна, — вот основные категории его «жизненной» эстетики. Ради их реализации Леонтьев не принял конкретные формы жизни (или, лучше сказать, даже отказался увидеть в них какие бы то ни было «формы»), которые ведут к уравниванию личностей и уничтожению различий между ними, — то есть демократию, либерализм, буржуазность и коммунизм. Изначальный эстетизм Леонтьева находился в сильной зависимости от органического эмпиризма, основывался на недоверии к метафизике и носил виталистски-физиологические черты; таким образом, даже этика была производна от эстетики (ibid.: Vd. 3, 322–324).

В этом отношении, как пишет Кальтенбруннер, Леонтьев — «чистейшая» копия Ницше; его характеризует крайне «консервативный» империализм, который подчиняет сущее понятию о прекрасном. Перемены во взглядах русского писателя наметились лишь по результатам его жизни на Афоне. За время пребывания в Османской империи Леонтьев преобразился, предприняв попытку оставить «эпикурейско-дионисийское» мировоззрение для того, чтобы стать православным монахом. Черты старого мировоззрения, однако, в нем все же сохранились: образ монаха для Леонтьева стал антиподом все того же ненавистного ему буржуа (ibid.: Vd. 3, 327–333).

По мнению Кальтенбруннера, русский философ так и остался на философском перепутье. До самого конца он не переставал стоять перед выбором в пользу монашества или эстетико-эротического витализма; эмпирический эстетизм Леонтьева был к тому же дополнен трансцендентным смыслом, но все же не был им поглощен. Он не поддерживал попытку проведения новозаветного принципа любви в социальную действительность: христианский «трансцендентный эгоизм» не предполагал ничего общего с демократическим оптимизмом и потому был им противопоставлен «альтруизму». Строгая ветхозаветная основа проповеди Христа полностью перекрывала в глазах Леонтьева Его мягкость и милосердие. Леонтьев не смог снять противоречие между эстетикой и христианством в своем творчестве и сам понимал это (ibid.: Vd. 3, 334–335, 340). Если обратиться к раннему эссе Кальтенбруннера

о консерватизме и христианстве (Kaltenbrunner, 1975: 51–80)⁴, то приходится сделать вывод, что упомянутое противоречие было совершенно характерно для консервативного мировоззрения человека Нового времени, который помимо культурных веяний своего века прошел через воспитание христианской культурой.

Вместо панславизма и мессианско-народнического славянофильства русский философ отстаивал «византизм», который считал первопринципом русской духовной дисциплины. По Кальтенбруннеру, в сущности эта позиция означала «антимодернизм», а более конкретно — примат православия и традиций иерархизма над либерально-прогрессивными идеями или над восходящим высокомерием утилитарно-логического мышления. Перед нами — «программное воззвание к консервативной революции» на греко-православной основе (Kaltenbrunner, 1980/1985: Bd. 3, 337–338; Kaltenbrunner, 1987/1992: Bd. 3, 365–366; из уст австро-немецкого мыслителя это едва ли позитивная формулировка; она критична в отношении социально-политической реализуемости «воззвания»).

Последний этап жизни и творчества Леонтьева (1880-е гг.) Кальтенбруннер определял как разворот в сторону религиозно-социальной апокалиптики: катастрофические последствия потенциального соединения «славянства и социализма» могут быть сдержаны лишь «византизмом», суровой ортодоксией и монархией; «Святая Русь» будет колыбелью антихриста, и Восток заслуженно покорит Россию, отвернувшуюся от Христа. Леонтьев — пророк культурно-религиозного упадка, который необратим и для Западной, и для Восточной Европы (Kaltenbrunner, 1980/1985: Bd. 3, 341–343; Kaltenbrunner, 1987/1992: Bd. 3, 366).

В целом австро-немецкий мыслитель характеризовал Леонтьева как неординарного и значительного консерватора XIX в. наряду с Х. Доносо Кортесом, С. Кьеркегором, Ф. М. Достоевским и Ж. Сорелем (*ibid.*: Bd. 3, 366–367), — таково не самое очевидное перечисление интеллектуалов, которые могли бы быть связаны с политическим консерватизмом уже на основе традиционных представлений о нем. Своеобразие Леонтьева проявилось в том, что его мышление распалось на несколько (по меньшей мере — пять) уровней, и в этом заключалась трагическая нецелостность его философии. Леонтьев — и эстет-эротик, подчиняющий моральные ценности самоценной красоте жизни; и биолог, который рассматривает культуру как обреченный на гибель организм;

⁴Подробнее о размышлениях Г.-К. Кальтенбруннера о христианстве и консерватизме см.: Фомичев, 2025с: 418–438.

и «трубадур» консервативного политического переворота под знаменем византизма; и христианский автор, для которого образ Христа Пантократора заслоняет собой образ Иисуса из Назарета; и монашествующий аскет, который стремится к трансцендентному спасению (Kaltenbrunner, 1987/1992: Bd. 3, 368–369).

Один из своих текстов о Леонтьеве Кальтенбруннер завершил знаменитой цитатой из наследия русского философа (ibid.: Bd. 3, 369):

Не ужасно ли и не обидно ли было думать, что Моисей восходил на Синай, что эллины строили себе изящные Акрополи, римляне вели пунические войны, что гениальный красавец Александр в пернатом каком-нибудь шлеме переходил Граник и бился под Арабеллами, что апостолы проповедовали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах для того только, чтобы французский или немецкий или русский буржуа в безобразной комической своей одежде благодушествовал бы «индивидуально» и «коллективно» на развалинах всего этого прошлого величия? (Леонтьев, 2007: 90)

Австро-немецкий мыслитель не только разделяет эту риторику, характерную для традиционного консерватизма или консервативно-эстетического эстетизма, к наследию которых его тексты можно относить весьма условно, но и описывает — спустя столетие после Леонтьева — симптомы своей эпохи в достаточно схожих формулировках. Несмотря на неизвестный русскому консерватору XIX в. акцент на феномене европейской самоненависти, которая заявляла о себе в полной мере во второй половине XX столетия и прорастала через разлагающуюся культуру «буржуа в безобразной комической одежде»⁵, налицо во многом идентичное, классически-консервативное сожаление о гибнущей европейской культуре, об уходящей в небытие цивилизации, которая на протяжении многих веков создавала условия для разнообразного самосовершенствования человека. Можно сказать, что речь идет о различных исторических формах одного и того же феномена:

[Евромазохизм] не результат моральной чувствительности, а типичное проявление декаданса. От греческого мудреца до викинга-мореплавателя, от

⁵Тема европейской (или уже — немецкой) структурной критики собственной культуры, которая достигла уровня нескрываемой самодеструкции, возводимой чуть ли не в ранг интеллектуального приличия и национальной идентичности, возникла в немецком контексте в 1960-е гг. и была связана с историческим и интеллектуальным развитием самой Германии, в котором принял участие Г.-К. Кальтенбруннер.

монаха, совмещающего молитву с трудом, до рабочего, изобретателя и техника — Европа породила целый ряд могучих исторических гештальтов, чьи труды и результаты трудов заложили основы, за счет которых сегодня пытаются устоять все человечество. Будет жаль европейского человека, если его последним гештальтом станет паразитическое вырождение евромазохизма (Kaltenbrunner, 1985b: 51).

Поэтому, даже если приходится утверждать, что интерпретация наследия Леонтьева, осуществленная Кальтенбруннером, не во всем была правомерна, тем не менее необходимо признавать то сходство экзистенциально-аскетических результатов, к которым неизбежно влекла их собственная консервативная философия.

КРИЗИС КОНСЕРВАТИЗМА К. Н. ЛЕОНТЬЕВА И Г.-К. КАЛЬТЕНБРУННЕРА: ПЕРЕХОД К ПРИМАТУ ТРАНСЦЕНДЕНТНОГО НАД ПОЛИТИЧЕСКИМ

Константин Леонтьев никогда не находился в фокусе пристального внимания европейских консерваторов; случай Кальтенбруннера не мог изменить этого в силу своей уникальности, и тем не менее после своей смерти Леонтьев все же удостоился внимания со стороны влиятельного интеллектуала, которому старый европейский мир был не менее дорог, хотя и не в силу специфического эстетического чувства (его, действительно, следует квалифицировать как «консервативное»). Стоит вспомнить еще одного автора, который проявил эстетическое несогласие с веяниями нового европейского мира и тем самым сблизился с современными ему консерваторами:

Надо идти вперед, хочу сказать, шаг за шагом дальше в *décadence* (вот мое определение современного «прогресса»)... Можно притормозить это развитие и тем самым запрудить самое вырождение, накопить его, сделать более бурным и внезапным — больше сделать нельзя ничего (Ницше, Полилов, 2009b: 91)⁶.

Из уст Ницше, впрочем, мы едва ли когда-нибудь услышали бы консервативную сентенцию подобного рода: «Поэзия брака и семьи необычайно возвышена, когда каждый шаг семейной жизни, каждый обычай, каждая черта при воспитании детей озарены идеей Православия» (Леонтьев, 2005a: 167), — что устанавливает предел для устоявшейся интерпретации Леонтьева как «русского Ницше», которой придерживается

⁶Ср. с мыслью Леонтьева: «Идти скоро, идти вперед — не значит непременно к высшему и лучшему... Идти все вперед и все быстрее можно к старости и смерти, к бездне» (Леонтьев, 2005b: 18).

и Кальтенбруннер. Он не оспаривает эту традицию толкования, хотя его замечания о невыдержанном синтезе между эстетикой и религией в консервативно-философском творчестве Леонтьева не случайны.

В принципе нет ничего ошибочного в том, чтобы говорить об общей философской теме, которую Леонтьев и Ницше обсуждали в своих текстах. Тема нигилизма и «безосновности» новых ценностей после распада библейской картины мира в европейском сознании по праву принадлежит им как характерным диагностам кризисной эпохи, все еще определяющей «духовную ситуацию» современности. Эстетический индивидуализм служил основой для консервативной мысли Леонтьева в то время, когда на его основе Ницше требовал творчества, или «переоценки ценностей», а не охранения. Тем интереснее, что как человек, знакомый с монашеским мироощущением, так и радикальный антихристианин одинаково приближались к пониманию условия, которое позволило им выступить против «декаданса» западного мира если не на политическом, то по крайней мере на индивидуалистическом уровне, не исключая консервативного мировоззрения.

Нужно свыкнуться с жизнью на вершинах гор... Нужно сделаться равнодушным и не задаваться вопросом о том, есть ли польза от истины... Необходима предопределенность, — к тому, чтобы существовать в лабиринте. И семикратный опыт одиночества (Ницше, Михайлов, 2009а: 109).

В этом изречении Ницше содержится столько же от монашеской решимости, которая характерна для христианского подвижника, сколько и от интеллектуального задора «несвоевременного» мыслителя-одиночки. Свободно избранное страдание, которое ведет по пути самосовершенствования того, кто принимает, а не отрицает его воспитательное значение для человека⁷, — вот средство интеллектуального отшельника, к которому он прибегает в целях самозащиты от соблазнительного образа жизни, который распространяет по всему миру так называемый «последний человек». Сохраняя себя от оболыщения техническим комфортом и от желания повсеместно справедливых и мягких отношений между людьми, одинокий мыслитель если не предотвращает будущее торжество «буржуа покойного» (Леонтьев, 2005d: 411), то во

⁷ «Война всегда была великой находкой всех сокровенных, ставших слишком глубокими умов; даже в полученных ранениях заключена целебная сила» (Ницше, Полилов, 2009b: 11); «А страдания? Страдания сопровождают... процесс роста и развития... Все болит у древа жизни людской» (Леонтьев, 2005d: 387).

всяком случае сам отстраняется от общего движения и таким образом соблюдает «агоническую» правду жизни (Ницше, Полилов, 2009b: 70).

Но если в данном случае и Ницше, и Леонтьев обнаруживают единство в своих взглядах, то существенное различие между ними обусловлено противоположными устремлениями их «я». Воля к творческому могуществу, то есть к определению себя в качестве экспансивного средоточия всего, и воля к освящению, — следовательно, к консервативному отказу от узурпирования жизненного центра, который занят не человеком, а «Абсолютным Иным», — вот предельный антагонизм ценностных установок Ницше и Леонтьева. Все это, однако, не могло подорвать глубокую общность их одинокой эстетической позиции, в соответствии с которой они противопоставили себя культурно расслабленному обществу в форме своеобразных подвижников, которые презирают страх перед опасностями и злосключениями. Радикальное «антихристианство» метафизического реформатора Ницше и «эстетический аморализм» виталистического консерватора Леонтьева с этой точки зрения есть лишь «псевдохристианство» — акт, подчеркнуто экзистенциальный.

Г.-К. Кальтенбруннер усмотрел в «ницшеанской» эстетике Леонтьева противоречие, — ее несовместимость с «трансцендентным эгоизмом», когда идеальный образ аскета представляет собой альтернативу современной «покойной буржуазности». Однако своеобразие философских прозрений Леонтьева в том и состояло, что он обратился к христианству, имея в своем прошлом опыт воинственно-консервативного витализма: как эстетик он обратил внимание на признание в церковном учении дорогой ему красоты, заключающейся в борьбе непримиримых противоположностей. Жизнь христианина от начала есть состояние духовной брани (ср. Еф. 6:12), — а значит, эстетическое открытие пользы, которая исходит от боли, дарующей силу и искушенность, должно было сохранить свое значение и для монашеского сознания Леонтьева. Поэтому он писал: «Аскетизм христианский подразумевает борьбу, страдания, неравенство, то есть остается верен феноменальной философии строгого реализма» (Леонтьев, 2005а: 167), — и, добавим, философии консерватизма как учению о несентиментальном и сурово-объективном порядке.

Однако в этом факте нередко усматривали «сатанический» дуализм в мировоззрении Леонтьева, его убежденность в извечности зла и даже в его необходимости наравне с добром. И хотя роман «В своем краю» и повесть «Исповедь мужа» (то есть, если говорить языком Кальтенбруннера, произведения собственно «эстетико-эротического» периода)

еще дают основания для подобных выводов, таковые оказываются совершенно необоснованными применительно к периоду жизни Леонтьева, когда он останавливался на Афоне. Как же тогда следует объяснять следующую мысль Леонтьева, — что «чтобы самарянину было... кому перевязать раны, необходимы... были разбойники» (Леонтьев, 2014: 197)? Представляется, что сочетание такого утверждения с общими христианскими верованиями неосуществимо именно в рамках соловьевской традиции религиозного философствования, — а эта традиция во многом определила и определяет восприятие Леонтьева и его учения у современных исследователей.

«Богочеловеческая философия» с ее истолкованием посмертной участи души через имплицитную доктрину об апокатастасисе, с ее лишенной авторитета «соборностью», когда человеческая личность причастна природе Бога и не терпит применения категорий власти и подчинения к формам ее коммуникации с Ним, — эта философия свободного объединения на почве общих религиозных симпатий (Флоренский, 1996: 296–297, 299) не могла, конечно, примириться с учением о непостижимом страдании, о неизбежном воздаянии и об ограниченном земной жизнью покаянии, которое для Леонтьева было неразрывно связано с православной традицией. Но и на замечания Кальтенбруннера о «мягкости Иисуса из Назарета», которая будто бы осталась сокрытой для Леонтьева, как и о его отрицании «новозаветного принципа любви» в применении к социальной действительности, можно лишь ответить словами самого философа: «Tu quoque, Brute! — захотелось воскликнуть нам с отчаянием... И тут царство этой правды!.. И тут... должно способствовать... „царству правды на земле“!» (Леонтьев, 2005b: 84). Следовало ли ожидать от католика критики Леонтьева за его слишком «пепельную» (образ С. Булгакова) христианскую проповедь?

Убеждение, что наряду с временными и очистительными испытаниями в мире существует бесконечная ответственность за свободно избранные поступки, вызвало негативную реакцию со стороны русских религиозных философов «богочеловечества», и она выразилась в полном отрицании этой бесконечной ответственности⁸. Несогласие с «пепельной» проповедью Леонтьева о покаянии и исправлении человека ради любви Того, Кто призывает его к вечной жизни (вспомним библейское изречение: «и разорвал одежды свои, и посыпал голову пеплом»), должно напоминать жест Ивана Карамазова, который «не

⁸Образец этого см. в: Бердяев, 1995: 267, 269, 274, 276, 279.

принял Божий мир» и «возвратил билет обратно». Трудно заподозрить Кальтенбруннера в подобной «человекобожеской» решимости, и тем не менее в своих замечаниях о «ветхом» и «новом» в мыслях Леонтьева о Боге он неожиданно солидаризировался с «богочеловеческой» философией и теологией.

Проповедь об отсутствии «вечных мук» в Божественном плане и об отрицании употребления зла в качестве «воспитательного» Божественного орудия «консервативное» христианство Леонтьева могло бы парировать собственными мыслями одного из главных наследников «либеральной» традиции «богочеловеческого» богословия, тем самым обращая их против этой традиции в целом:

Всегда чувствую, что тут — самая важная и потому самая трудная тайна христианства: спасительность страдания. Не «искупительность», а именно «спасительность». Единственное, чего «природный» человек хочет на глубине, это — не страдать. Единственное, что христианство ему предлагает, — это страдание. Почему? Потому что в духовной победе над ним, в духовном «претворении» страдания — совершается духовный рост человека, вхождение его в другое измерение (Шмеман, 2024: 237).

Неудивительно поэтому, что при такой религиозно-философской позиции в притче о добром самарянине находится «необходимое» место как для «злых», так и для «добрых»: зло и несчастье являются благодатными дарами испытания, и без них становятся невозможны ни награды, ни заслуги, — а в конечном счете и сама иерархия как одна из ведущих консервативных ценностей.

С другой стороны, замечание протоиерея С. Булгакова о том, что «как бы ни была беспорна истина о спасительности страдания... человек не имеет права... желать его своему ближнему, притязая быть для него Провидением» (Булгаков, 1993: 552), не может вызывать никаких возражений. В самом деле, Леонтьев требовал или даже самостоятельно искал социально-политического приложения для своей «виталистской» и в то же время «монашеской» философии. Но один случай — это стремиться к личному воплощению учения об иерархической дисциплине вечного духа, который выражается в конкретной телесной, или «биологически» гаснущей, форме, и совсем другое — настаивать на пользе и даже «спасительности» строжайшей духовной дисциплины для каждого.

«Византизм», по остроумному уподоблению Кальтенбруннера, как вариация «консервативной революции» на русской почве был обречен на поражение в силу не зависящих от Леонтьева причин. В условиях

массового отступления от церковной веры, как и в принципе от какого бы то ни было верования в «загробное», или «трансцендентное», существование, вовсе не требовалось прибегать к политическим мерам для того, чтобы продлить бытие эстетической гармонии в рамках особых культурно-исторических форм. Принуждение против воли другого к исповеданию и практике христианской нормы в общегосударственном масштабе является нарушением евангельского закона (Мф. 7:12, Лк. 6:31), даже если принуждающий совершенно убежден и знает на собственном опыте истину того образа жизни, который не хочет принимать принуждаемый. Единственный выход, который оставался «трансцендентному эгоисту» Леонтьеву, готовому к ранам самопожертвования и борьбы с самим собой (Пс. 37:18), состоял лишь в сокровенной практике аскетического самосовершенствования, в искоренении из этой практики всего, что только напоминает «эротическую эстетику» или же экспансивную (по своей сути «нищепанскую») волю к личному могуществу (без которых, впрочем, как видно из вышеописанного, приход к христианству Леонтьева не был бы так специфичен).

Такой одинокий и «эзотерический» выход из сложившегося положения был известен Кальтенбруннеру, — в противном случае он бы не смог утверждать, что «жизнь никогда не протекает в условиях полной прозрачности» (Кальтенбруннер, Черный, 2025: 128). Известно, что проповедь Христа была разделена на «эзотерические» притчи для народа и на прямую, «эзотерическую» речь для приближенных учеников (Мф. 15:15–16); Иисус требовал нелицемерной и не совершаемой напоказ аскезы, а кроме того, многозначительно запрещал «разбрасывать бисер перед свиньями» (Мф. 6:6, 7:6), призывая к общению веры только с достойными ее дара. Не принимая слишком «открытый» диалог Церкви с миром, Г.-К. Кальтенбруннер разделял чувство «внутренней» дистанции по отношению к инакомыслящим; он квалифицировал процессы секуляризации как процессы ниспровержения всех возможных и объективно существующих социальных границ и дистанций; и он не был утопистом и не верил в имманентное осуществление шиллеровского призыва к «объятиям миллионов». Наконец, в трудах русских религиозных мыслителей он искал близкого ему «трезвомыслия» в оценках секулярных и религиозно-кризисных явлений.

К подобному мироощущению начал подходить целостнее поздний Константин Леонтьев. Отчасти это совершилось благодаря его тайному постригу, отчасти — из-за его глубокого изнеможения от участия в заведомо безысходной политической борьбе; только смерть помешала

ему утвердиться в своих новых взглядах достаточно сознательно, как подобало бы аутентичному иноку, «оптинцу» и «афониту». «Исторический» образ Леонтьева, таким образом, многолик и двусмысленен: при вдумчивом приближении к нему требуется философско-критический подход для вневременной, метафизико-«консервативной» актуализации его мысли.

Не то было с Кальтенбруннером. Он пришел к выводу, что аскетическое самосовершенствование есть единственно оправданный исход в то время, когда строго политический консерватизм как проект уже не мог ни удовлетворить массовое общество, ни прийти в отношение сосуществования с так называемой индустрией культуры, обслуживающей это общество. Его анализ смысла эзотеризма как аскетического элитизма должен был укрепить его в собственном начинании, то есть в решении уйти в свой «шварцвальдский» затвор. Леонтьев еще мечтал о воплощении программы своего политического «эзотеризма» и был готов ограничить распространение информации для определенных слоев общества (Смирнов, 2025: 184–185), тогда как Кальтенбруннер признавал, что «путь в Дамаск открыт только для одиночки» (Фомичев, 2025с: 430), и потому делал из этого утверждения вовсе не политические выводы. Созная, что «способность оставаться на протяжении всей жизни... стойком... является привилегией немногих редких счастливых» (Кальтенбруннер, Черный, 2025: 123), он не принуждал никого к выбору в пользу аскетической жизни. Леонтьев же незадолго до своей агонии еще составлял планы по административной расправе над Владимиром Соловьевым за его нецерковное инакомыслие, и только пророческий ужас перед будущим России позволил ему взять мистическую дистанцию по отношению к своей родине. Поступок же Кальтенбруннера с самого начала был тихим и, по всей видимости, обдуманым; его не ожидали даже его соратники и друзья. Действия австро-немецкого мыслителя до сих пор подают им повод для соответствующих «аскетических» размышлений:

Кальтенбруннер был настолько важен и умен, настолько уникально образован, а потом, в возрасте 50 лет, он просто сказал, что отстраняется. Затем он жил в своем доме в Шварцвальде с тысячами книг. Его экономка жила в доме чуть ниже и должна была три раза в день приносить ему что-нибудь поесть... Это был полный разрыв с любыми надеждами, связанными с политикой.

Кальтенбруннер говорил, что теперь все дело лишь в духовных основаниях, он вел практически монашеский образ жизни⁹.

Впрочем, монашеское или квазимонашеское отречение от мира, которое взяли на свои плечи Г.-К. Кальтенбруннер и К.Н. Леонтьев, было лишь специфическим фактом из общей тенденции к интеллектуально-аскетическому отречению от общества передовых «правых» мыслителей последних двух столетий. Отказ от роли самопровозглашенного спасителя общества, отказ от суеты и шума, наконец, отказ от подготовки к совершению «консервативной революции» в мире массовой культуры, — вот тенденция, которая характеризовала самых незаурядных «правых» на Западе, наподобие Э. Юнгера или Н. Гомеса Давилы. Последние решились на «консервативный» отбор информации, в буквальном смысле слова на «воздержание» от ориентации на мнения других, на индивидуальные или коллективно разделяемые заблуждения. Без сомнения, это было воплощение аскетического идеала по духу христианства, на сторону которого так отчетливо хотели встать (впрочем, с разной степенью успешности) Кальтенбруннер и Леонтьев. Думается, что М.М. Пришвину, этому крупному и оригинальному наследнику отдельных «трансцендентных» интуиций Леонтьева, удалось по крайней мере предварительно обозначить его неизбежность для всякого будущего консерватора, в душе которого когда-нибудь забрезжит свет вовсе не «политической», а крайне «монашеской» ориентации:

Они (религиозные люди. — *Ф. Ф., Е. С.*) забросят пустыню внешнюю, не будут никуда уходить, а, оставаясь на месте, особенным усердием и поддержкой внешнего порядка «в малых делах», создадут себе непроницаемую для постороннего взгляда пустыню (Пришвин, 2019: 200).

Таким образом, «лес» (Юнгер, Климентов, 2024: 36), «пустыня» или «природа» как общая метафора метафизического пространства свободы к трансценденции останется и тогда, когда не будет ничего, кроме гранита, железа и бетона.

Главное, что по совету В.В. Розанова (еще одного ученика Леонтьева) следует запомнить, что «мудрый эгоизм» нисколько «не холоден»:

Надо жить тут и в себе... Наша так называемая «связь с жизнью» есть только мираж, и мешает не только нам, но и «им». Связь эта должна быть истончена до формальных вежливых отношений. Все люди живут рассеяно, и от этого

⁹См. подробнее: Фомичев, 2025а.

главным образом происходит их несчастье и всеобщая запутанность всего. Все мешают друг другу (Розанов, 1994: 146).

К тому же А. Ф. Лосев, второй инок в русской философии после Константина Леонтьева, наставлял своего читателя, что «монашество — антипод всякого земного устройства», что «на всем свете только одни монахи — не мещане», и что «только монах, созерцающий в уме всю полноту мятущегося мира и взыскивающий мира невидимого, имеет цельный ум, и только ему доступны духовные радости умных восхождений» (Лосев, 2022: 399). Нет никаких сомнений, что с этими постлеонтьевскими соображениями «трансцендентного эгоизма» внутренне бы согласился такой «шварцвальдский отшельник», как Герд-Клаус Кальтенбруннер.

Будущее философии консерватизма сокрыто, таким образом, в гештальте одинокого аскета («монаха» или «старца»), а вовсе не в расхожем образе политического человека. Открытость к высшему и презрение к низшему, чувство дистанции, пропорции и гармонии, поиск правильного отношения к себе через страдания и опасности, в конце концов, примат этого поиска над исканием всеобщего счастья — всегда были ценностями философа-консерватора; однако в настоящее время, когда индустриально-массовая культура изгоняет из себя все «трансцендентные» и «эгоистические» содержания, консервативно настроенному метафизику ничего не остается, кроме как найти исход в аскетическом самосовершенствовании, в ощущении глубокого отчуждения от политической сферы, которая зиждется на забвении потустороннего и борьбе за материальную славу. Тайна личной жизни и личной борьбы за истину, навязывание своих духовных практик только себе самому и верность трансцендентно открывающемуся порядку наперекор имманентной вседозволенности большинства, — вот заповеди новой формы философского консерватизма, которые были провозглашены на европейской исторической почве. Таковы глубокие прозрения традиций русского и немецкого консерватизма, значимыми представителями которых равно были К. Н. Леонтьев и Г.-К. Кальтенбруннер.

ЛИТЕРАТУРА

- Бердяев Н. А.* Творчество и объективация. Опыт эсхатологической метафизики // Царство Духа и царство Кесаря. — М. : Республика, 1995. — С. 164–286.
- Булгаков С. Н.* Победитель — Победенный // Собрание сочинений. В 2 т. Т. 2 / сост. И. Б. Роднянской. — М. : Наука, 1993. — С. 546–563.

- Кальтенбруннер Г.-К.* Элита. Воспитание на случай чрезвычайной ситуации / под ред. Ф.М. Фомичева ; пер. с нем. А.В. Черного. — М. : Silene Noctiflora, 2025.
- Леонтьев К. Н.* Византизм и Славянство // Полное собрание сочинений и писем. В 12 т. Т. 7. Кн. 1 / под ред. В. А. Котельникова, О. Л. Фетисенко. — СПб. : Владимир Даль, 2005а. — С. 300–443.
- Леонтьев К. Н.* Передовые статьи «Варшавского Дневника» // Полное собрание сочинений и писем. В 12 т. Т. 7. Кн. 1 / под ред. В. А. Котельникова, О. Л. Фетисенко. — СПб. : Владимир Даль, 2005b. — С. 7–107.
- Леонтьев К. Н.* Полное собрание сочинений и писем. В 12 т. Т. 7. Кн. 1 / под ред. В. А. Котельникова, О. Л. Фетисенко. — СПб. : Владимир Даль, 2005с.
- Леонтьев К. Н.* Четыре письма с Афона // Полное собрание сочинений и писем. В 12 т. Т. 7. Кн. 1 / под ред. В. А. Котельникова, О. Л. Фетисенко. — СПб. : Владимир Даль, 2005d. — С. 131–175.
- Леонтьев К. Н.* Письма о Восточных делах // Полное собрание сочинений и писем. В 12 т. Т. 8. Кн. 1 / под ред. В. А. Котельникова, О. Л. Фетисенко. — СПб. : Владимир Даль, 2007. — С. 43–130.
- Леонтьев К. Н.* Наши новые христиане // Полное собрание сочинений и писем. В 12 т. Т. 9 / под ред. В. А. Котельникова, О. Л. Фетисенко. — СПб. : Владимир Даль, 2014. — С. 165–225.
- Лосев А. Ф.* Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа» / сост. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. — М. : ИД ЯСК, Гнозис, 2022.
- Ницше Ф.* Антихрист / пер. с нем. А. В. Михайлова // Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 6 / под ред. И. А. Эбаноидзе ; пер. с нем. Я. Бермана, Е. Герцыка. — М. : Культурная революция, 2009а. — С. 107–184.
- Ницше Ф.* Сумерки идолов, или Как философствуют молотом / пер. с нем. Н. Полилова // Полное собрание сочинений. В 13 т. Т. 6 / под ред. И. А. Эбаноидзе ; пер. с нем. Я. Бермана, Е. Герцыка. — М. : Культурная революция, 2009b. — С. 9–106.
- Пришвин М. М.* Дневники. 1940–1941 / сост. Я. З. Гришиной. — СПб. : Росток, 2019.
- Розанов В. В.* Мимолетное. 1915 год // Собрание сочинений. Мимолетное / под ред. А. Н. Николокина. — М. : Республика, 1994. — С. 5–334.
- Смирнов Е. М.* Реформы Александра II в фокусе философской антропологии К. Н. Леонтьева : к генезису политического эзотеризма мыслителя // Философский журнал. — 2025. — Т. 18, № 1. — С. 179–191.
- Фетисенко О. Л.* Летопись жизни и творчества К. Н. Леонтьева (1831–1891). Ч. 1. 1831–1880. — СПб. : Владимир Даль, 2022.
- Флоренский П. А.* Около Хомякова // Сочинения. В 4 т. Т. 2 / сост. А. С. Трубачева ; под общ. ред. А. С. Трубачева. — М. : Мысль, 1996. — С. 278–336. — (Философское наследие ; 124).

- Фомичев Ф. М.* Беседа в Шнелльроде : человек, общество, политика. II / Русская истина. — 2025а. — URL: <https://politconservatism.ru/interview/beseda-v-shnellrode-chelovek-obshhestvo-politika-2> (дата обр. 8 авг. 2025).
- Фомичев Ф. М.* Герд-Клаус Кальтенбруннер : аскеза и проблема элит в условиях современности // Элита. Воспитание на случай чрезвычайной ситуации / Г.-К. Кальтенбруннер ; под ред. Ф. М. Фомичева ; пер. с нем. А. В. Черного. — М. : Silene Nostiflora, 2025b. — С. 136–186.
- Фомичев Ф. М.* Место христианства в проекте «реконструкции консерватизма» Герда-Клауса Кальтенбруннера // Социологическое обозрение. — 2025с. — Т. 24, № 1. — С. 418–443.
- Шмеман А.* Дневники. 1973–1983 / сост. У. С. Шмемана, Н. А. Струве, Е. Ю. Дормана. — М. : Русский путь, 2024.
- Юнгер Э.* Ривароль / пер. с нем. Д. В. Кузницына. — СПб. : Владимир Даль, 2008.
- Юнгер Э.* Уход в Лес / пер. с нем. А. Климентова. — М. : Ad Marginem, 2024.
- Gmehling M. S.* Leitstern am geistigen Firmament. Erinnerungen an Gerd-Klaus Kaltenbrunner. — Kitzlegg : Christiana Verlag, 2012.
- Kaltenbrunner G.-K.* Christlich=konservativ? // Der schwierige Konservatismus. Definition, Theorien, Porträts. — Herford, Berlin : Nicolai, 1975. — S. 51–80.
- Kaltenbrunner G.-K.* Askese — Eine weltgeschichtliche Betrachtung // Wege der Weltbewahrung. Sieben konservative Gedankengänge. — Asendorf : MUT Verlag, 1985a. — S. 83–127.
- Kaltenbrunner G.-K.* Vom Genius des Abendlandes. Wider den Euro-Masochismus // Wege der Weltbewahrung. Sieben konservative Gedankengänge. — Asendorf : MUT Verlag, 1985b. — S. 23–51.
- Kaltenbrunner G.-K.* Europa. Seine geistigen Quellen in Portraits aus zwei Jahrtausenden : In 3 Bde. — Heroldsberg : Glock und Lutz, 1980/1985.
- Kaltenbrunner G.-K.* Vom Geist Europas. Landschaften, Gestalten, Ideen : In 3 Bde. — Asendorf : MUT Verlag, 1987/1992.
- Sommerfeld C.* Abschiedlichkeit : Gerd-Klaus Kaltenbrunner zum 10. Todestag // Sezession. — 2021. — Nr. 101. — S. 70–71.

Fomichev, F. M., and Ye. M. Smirnov. 2026. "Asketicheskoye samovershenstvovaniye kak al'ternativa politicheskomu konservatizmu [Ascetic Self-Improvement as an Alternative to Political Conservatism]: G.-K. Kal'tenbrunner chitayet K. N. Leont'yeva [Gerd-Klaus Kaltenbrunner Reads Konstantin Leontiev]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 10 (2), 121–142.

FILIPP FOMICHEV

PHD STUDENT IN PHILOSOPHY

HSE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0009-0002-6946-5984

EGOR SMIRNOV

PHD STUDENT IN PHILOSOPHY

HSE UNIVERSITY (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0009-0003-2184-2426

ASCETIC SELF-IMPROVEMENT AS AN ALTERNATIVE TO POLITICAL CONSERVATISM

GERD-KLAUS KALTENBRUNNER READS KONSTANTIN LEONTIEV

Submitted: Sept. 09, 2025. Reviewed: Feb. 27, 2026. Accepted: Apr. 22, 2026.

Abstract: In this article both authors consider grounds for a rapprochement between two philosophical traditions in the field of conservative thought, i.e. Russian and German one. On the one hand, the lack of massive support for conservative political projects and, on the other hand, the alienation of conservatively minded philosophers from society of the "culture industry" testify to the absence of a strictly political potential for the implementation of conservative philosophemes. The article shows that through the persons of Catholic intellectual G.-K. Kaltenbrunner and Russian Orthodox thinker K.N. Leontiev, another approach to the implementation of conservative ideas was found, which implies a philosophical and ascetic practice of self-discipline and self-improvement, detached from any forms of cultural and political influence on the society. This approach is part of the general development of Russian and German philosophical thought, whose outstanding representatives during the twentieth century moved on to a similar practice of esoteric elitism and linked its essence with individual fidelity to a certain metaphysical order, hierarchical in its depths, and therefore conservative. Based on unique sources that are being introduced into the Russian academic circles for the first time, the article examines the interpretation of Russian philosophical classics by G.-K. Kaltenbrunner, and in particular his analysis of the religious and philosophical heritage of K.N. Leontiev. Both authors trace the existential parallelism in the biographies of the two thinkers. The article shows that the intellectual dialogue between Kaltenbrunner and Leontiev brings something essentially new to the understanding of the modern idea of conservatism, which, instead of democratic influence on the masses, is based on following the transcendental truth, closed to the majority.

Keywords: Gerd-Klaus Kaltenbrunner, Konstantin Leontiev, Philosophy of Conservatism, German Conservatism, Asceticism, Christianity, Transcendent Egoism.

DOI: 10.17323/2587-8719-2026-2-121-142.

REFERENCES

Berdyyev, N. A. 1995. *Tvorchestvo i ob'yektivatsiya. Opyt eskhatologicheskoy metafiziki [Creativity and Objectification. An Essay on Eschatological Metaphysics]* [in Russian].

- In *Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya [The Kingdom of the Spirit and the Kingdom of Caesar]*, 164–286. Moskva [Moscow]: Respublika.
- Bulgakov, S. N. 1993. “Pobeditel’ — Pobezhdennyy [The Victor — The Loser]” [in Russian]. In vol. 2 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, comp. I. B. Rodnyanskaya, 546–563. 2 vols. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Fetisenko, O. L. 2022. *1831–1880 [1831–1880]* [in Russian]. Bk. 1 of *Letopis’ zhizni i tvorchestva K. N. Leont’yeva (1831–1891) [Chronicles of K. N. Leont’ev’s Life and Works (1831–1891)]*. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal’.
- Florenskiy, P. A. 1996. *Okolo Khomyakova [Around Khomyakov]* [in Russian]. In vol. 2 of *Sochineniya [Works]*, comp. A. S. Trubachev, ed. by A. S. Trubachev, 278–336. 4 vols. Filosofskoye naslediyе 124. Moskva [Moscow]: Mysl’.
- Fomichev, F. M. 2025a. “Beseda v Shnell’rode [A Conversation in Schnellroda]: chelovek, obshchestvo, politika. II [Human, Society, Politics. II]” [in Russian]. *Russkaya istina [The Russian Truth]*. Accessed Aug. 8, 2025. <https://politconservatism.ru/interview/beseda-v-shnellrode-chelovek-obshhestvo-politika-2>.
- . 2025b. “Gerd-Klaus Kal’tenbrunner [Gerd-Klaus Kaltenbrunner]: askeza i problema elit v usloviyakh sovremennosti [Ascetism and the Problem of Elite in the Modern Conditions]” [in Russian]. In *Elita. Vospitaniye na sluchay chrezvychaynoy situatsii [Elite. Erziehung für den Ernstfall]*, by G.-K. Kaltenbrunner, ed. by F. M. Fomichev, trans. from the German by A. V. Chernyy, 136–186. Moskva [Moscow]: Silene Noctiflora.
- . 2025c. “Mesto khristianstva v proyekte ‘rekonstruktsii konservatizma’ Gerda-Klause Kal’tenbrunnera [The Place of Christianity in the Project of ‘Conservatism’s Reconstruction’ by Gerd-Klaus Kaltenbrunner]” [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye [Russian Sociological Review]* 24 (1): 418–443.
- Gmehling, M. S. 2012. *Leitstern am geistigen Firmament. Erinnerungen an Gerd-Klaus Kaltenbrunner* [in German]. Kißlegg: Christiana Verlag.
- Jünger, E. 2008. *Rivarol’ [Rivarol]* [in Russian]. Trans. from the German by D. V. Kuznitsyn. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal’.
- . 2024. *Ukhod v Les [Der Waldgang]* [in Russian]. Trans. from the German by A. Klimentov. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.
- Kaltenbrunner, G.-K. 1975. “Christlich=konservativ?” [in German]. In *Der schwierige Konservatismus. Definition, Theorien, Porträts*, 51–80. Herford and Berlin: Nicolai.
- . 1985a. “Askese — Eine weltgeschichtliche Betrachtung” [in German]. In *Wege der Weltbewahrung. Sieben konservative Gedankengänge*, 83–127. Asendorf: MUT Verlag.
- . 1985b. “Vom Genius des Abendlandes. Wider den Euro-Masochismus” [in German]. In *Wege der Weltbewahrung. Sieben konservative Gedankengänge*, 23–51. Asendorf: MUT Verlag.
- . 1985c. *Wege der Weltbewahrung. Sieben konservative Gedankengänge* [in German]. Asendorf: MUT Verlag.
- . 2025. *Elita. Vospitaniye na sluchay chrezvychaynoy situatsii [Elite. Erziehung für den Ernstfall]* [in Russian]. Ed. by F. M. Fomichev. Trans. from the German by A. V. Chernyy. Moskva [Moscow]: Silene Noctiflora.
- . 1980/1985. *Europa. Seine geistigen Quellen in Portraits aus zwei Jahrtausenden* [in German]. 3 vols. Heroldsberg: Glock and Lutz.
- . 1987/1992. *Vom Geist Europas. Landschaften, Gestalten, Ideen* [in German]. 3 vols. Asendorf: MUT Verlag.
- Leont’yev, K. N. 2005a. [in Russian]. Vol. 7, bk. 1 of *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem [Collected Works and Letters]*, ed. by V. A. Kotelnikov and O. L. Fetisenko. 12 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal’.

- . 2005b. *Chetyre pis'ma s Afona [Four Letters from Athos]* [in Russian]. In vol. 7, bk. 1 of *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem [Collected Works and Letters]*, ed. by V. A. Kotel'nikov and O. L. Fetisenko, 131–175. 12 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- . 2005c. *Peredovyye stat'i "Varshavskogo Dnevnik"* [The Leading Articles from "The Warsaw Diary"] [in Russian]. In vol. 7, bk. 1 of *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem [Collected Works and Letters]*, ed. by V. A. Kotel'nikov and O. L. Fetisenko, 7–107. 12 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- . 2005d. *Vizantizm i Slavyanstvo [Byzantism and Slavedom]* [in Russian]. In vol. 7, bk. 1 of *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem [Collected Works and Letters]*, ed. by V. A. Kotel'nikov and O. L. Fetisenko, 300–443. 12 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- . 2007. *Pis'ma o Vostochnykh delakh [Letters about Eastern Dealings]* [in Russian]. In vol. 8, bk. 1 of *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem [Collected Works and Letters]*, ed. by V. A. Kotel'nikov and O. L. Fetisenko, 43–130. 12 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- . 2014. *Nashi novyye khristiane [Our New Christians]* [in Russian]. In vol. 9 of *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem [Collected Works and Letters]*, ed. by V. A. Kotel'nikov and O. L. Fetisenko, 165–225. 12 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Vladimir Dal'.
- Losev, A. F. 2022. *Dialektika mifa. Dopolneniye k "Dialektike mifa" [Dialectics of Myth. Additions to "Dialectics of Myth"]* [in Russian]. Comp. A. A. Takho-Godi and V. P. Troitskiy. Moskva [Moscow]: ID YaSK / Gnozis.
- Nietzsche, F. 2009a. [in Russian]. Vol. 6 of *Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works]*, ed. by I. A. Ebanoidze, trans. from the German by Ya. Berman and Ye. Gertsyk. 13 vols. Moskva [Moscow]: Kul'turnaya revolyutsiya.
- . 2009b. *Antikhrist [Antichrist]* [in Russian]. In vol. 6 of *Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works]*, ed. by I. A. Ebanoidze, trans. from the German by A. V. Mikhaylov, 107–184. 13 vols. Moskva [Moscow]: Kul'turnaya revolyutsiya.
- . 2009c. *Sumerki idolov, ili Kak filosofstvuyut molotom [Götzen-Dämmerung oder Wie man mit dem Hammer philosophiert]* [in Russian]. In vol. 6 of *Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works]*, ed. by I. A. Ebanoidze, trans. from the German by N. Polilov, 9–106. 13 vols. Moskva [Moscow]: Kul'turnaya revolyutsiya.
- Prishvin, M. M. 2019. *Dnevniki. 1940–1941 [The Diary Notes. 1940–1941]* [in Russian]. Comp. Ya. Z. Grishina. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Rostok.
- Rozanov, V. V. 1994. *Mimoletnoye. 1915 god [Fleeting Away. 1915]* [in Russian]. In *Sobraniye sochineniy. Mimoletnoye [Collected Works. Fleeting Away]*, ed. by A. N. Nikolyukin, 5–334. Moskva [Moscow]: Respublika.
- Shmeman, A. 2024. *Dnevniki. 1973–1983 [The Diary Notes. 1973–1983]* [in Russian]. Comp. U. S. Shmeman, N. A. Struve, and Ye. Yu. Dorman. Moskva [Moscow]: Russkiy put'.
- Smirnov, Ye. M. 2025. "Reformy Aleksandra II v fokuse filosofskoy antropologii K. N. Leont'yeva [Reforms of Alexander II in the Focus of K. N. Leont'ev's Philosophical Anthropology]: k genezisu politicheskogo ezoterizma myslitelya [To the Genesis of His Political Esoterism]" [in Russian]. *Filosofskiy zhurnal [Philosophy Journal]* 18 (1): 179–191.
- Sommerfeld, C. 2021. "Abschiedlichkeit: Gerd-Klaus Kaltenbrunner zum 10. Todestag" [in German]. *Sezession*, no. 101, 70–71.